Burakovskiĭ, Sergeĭ Zakharovich
"Ревизоръ" Н.В. Гоголя.
Изд. 5.

Title transliterated:
"Revizor" N.V. Gogolîa

PG
3332.
R43B8
1898

OPB

"REVIZOR" N. V. GOGOLIA

Burakovskii

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor *London*

X14609
8088

14

This "O.P. Book" is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

PG
3332
R43B8
1898

775480

Burakovskiĭ, Sergeĭ Zakharovich

"Revizor" N. V. Gogolia

„РЕВИЗОРЪ“

Н. В. ГОГОЛЯ

Разборъ комедіи для учащихся.

Составилъ

С. БУРАКОВСКІЙ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Центральная“ Типо-Литографія М. Я. Минкова, 3 Рождественск., 7.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1898 года.

Exchange
La. State Univ. Lib.
Apr 4, 1939

Разборъ комедіи «Ревизоръ».

Историко-литературныя свѣдѣнія. Комедія «Ревизоръ» относится къ тому періоду творчества Гоголя, когда отъ воспроизведенія картинъ, проникнутыхъ веселымъ смѣхомъ, онъ, подъ вліяніемъ указаній и совѣтовъ Пушкина, обратился къ изображенію серьезныхъ сторонъ русской общественной жизни. «Я самъ почувствовалъ», пишетъ Гоголь въ своей «Авторской исповѣди», «что ужъ смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами». Гоголь вообще съ большою строгостью и вниманіемъ относился къ отдѣлкѣ своихъ произведеній: «вслѣдствіе устройства головы моей (писалъ онъ Шевыреву) я могу работать только вслѣдствіе глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести и тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ». Съ такою же строгостью Гоголь отнесся и къ комедіи «Ревизоръ». Мысль о написаніи пьесы изъ русскихъ общественныхъ нравовъ занимала Гоголя еще въ 1833 году; по крайней мѣрѣ, къ этому времени надо отнести планъ комедіи, которую онъ думалъ назвать «Владиміръ 3 степени»; но скоро онъ отложилъ разработку задуманнаго сюжета изъ опасенія, что пьеса не будетъ допущена къ представленію на сценѣ, а между тѣмъ, по его словамъ, «драма живетъ только на сценѣ, и безъ нея она какъ душа безъ тѣла». Послѣ того Пушкинъ предложилъ Гоголю сюжетъ комедіи «Ревизоръ». Пушкинъ разсказалъ Гоголю случай, бывшій въ городѣ Устюжнѣ Новгородской губерніи, гдѣ какой-то проѣзжавшій господинъ, выдавъ себя за чиновника министерства, обобралъ городскихъ жителей. Кромѣ того, самого Пушкина принялъ за ревизора нижегородскій губернаторъ, когда поэтъ проѣзжалъ черезъ Нижній въ Оренбургъ для собиранія матеріаловъ о пугачевскомъ

бунтѣ. На этихъ данныхъ и была задумана комедія «Ревизоръ». Что Гоголь долго и много работалъ надъ отдѣлкою своей пьесы, видно изъ того, что первые ея наброски были сдѣланы въ 1834 году, а послѣдняя ея редакція относится къ 1842 году. Прослѣдимъ главнѣйшіе моменты дѣйствія комедіи.

Содержаніе комедіи. Первое дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ городничаго уѣзднаго города Сквозника-Дмухановскаго. Городничій читаетъ собравшимся у него чиновникамъ письмо отъ Андрея Ивановича Чмыхова, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что въ ихъ городъ ѣдетъ ревизоръ «инкогнито», съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать уѣздъ. Зная за собою много грѣшковъ по части управленія уѣздомъ, городничій видимо встревоженъ: онъ хотя и даетъ, какъ опытный служака, совѣты своимъ подчиненнымъ, что каждый изъ нихъ долженъ сдѣлать, чтобы ревизоръ не замѣтилъ безпорядковъ, и даже проситъ вошедшаго почтмейстера Шпекина распечатывать всякое письмо, чтобы узнать, нѣтъ ли въ немъ какого-нибудь донесенія, но, тѣмъ не менѣе, его сильно безпокоитъ проклятое инкогнито, гвоздемъ засѣвшее у него въ головѣ. Какъ городничимъ, такъ и другими чиновниками овладѣваетъ «страхъ ожиданія»; «у меня инкогнито проклятое (говоритъ городничій) сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что отворится дверь и пасть»... Въ это время, впопыхахъ и съ шумомъ, вбѣгаютъ городскіе помѣщики Бобчинскій и Добчинскій и сообщаютъ, что ревизоръ пріѣхалъ уже двѣ недѣли тому назадъ «на Василья Египтянина» и проживаетъ въ гостиницѣ; за ревизора они приняли случайно проѣзжавшаго мелкаго петербургскаго чиновника Ивана Александровича Хлестакова. Городничій хотя и струсилъ, но на первыхъ порахъ думаетъ успокоить себя тою мыслью, что Бобчинскій и Добчинскій ошиблись, принявъ за ревизора кого-нибудь другого. Между тѣмъ, Бобчинскій продолжаетъ обстоятельно разсказывать о происшествіи, подтверждая несомнѣнность факта тѣмъ важнымъ для него обстоятельствомъ, что пріѣзжій чиновникъ весьма наблюдательный и заглянулъ даже въ тарелки, чтобы полюбопытствовать, что они съ Петромъ Ивановичемъ ѣли. Несомнѣнно, что ревизоръ пріѣхалъ, тѣмъ болѣе, что городничій въ эту ночь видѣлъ странный сонъ: ему снились двѣ черныя неестественной величины крысы, которыя пришли, понюхали и пошли прочь. Что городничій повѣрилъ раз-

сказу Бобчинскаго и принялъ Хлестакова за ревизора, въ этомъ нѣтъ никакой натяжки и фарса, какъ думали нѣкоторые изъ современныхъ комедіи критиковъ. Ошибка городничаго, по мнѣнію Бѣлинскаго, совершенно естественна: онъ видитъ во снѣ двухъ какихъ-то необыкновенныхъ крысъ, а сонъ для необразованнаго человѣка, какимъ былъ городничій, имѣетъ всегда мистическое значеніе; на другой день онъ получаетъ извѣстіе о томъ, что изъ Петербурга отправился чиновникъ для ревизіи ввѣреннаго ему уѣзда, притомъ «инкогнито», стало быть сонъ въ руку; а какъ «у страха глаза велики», то немудрено, что городничій, подъ вліяніемъ чувства страха и, прочтя въ письмѣ такія слова, какъ «инкогнито» и «секретное предписаніе», вполнѣ повѣрилъ разсказамъ Бобчинскаго, тѣмъ болѣе, что чиновникъ изъ Петербурга, а Петербургъ для городничаго (по словамъ Бѣлинскаго) былъ таинственной страной, фантастическимъ міромъ, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Отъ разсказовъ Бобчинскаго городничій приходитъ въ отчаяніе; онъ невольно вспоминаетъ о своихъ недавнихъ дѣяніяхъ: въ послѣднія двѣ недѣли невинно высѣчена унтеръ-офицерская жена, арестантамъ не отпускалась провизія и т. п., и все это заставляетъ застигнутаго врасплохъ городничаго воскликнуть въ порывѣ отчаянія: «Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники!». Послѣ того городничій нѣсколько овладѣваетъ своимъ тревожнымъ состояніемъ; узнавъ, что ревизоръ молодой человѣкъ, онъ рѣшается отправиться одинъ или съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь непріятностей. Слѣдуютъ двѣ сцены съ квартальнымъ и частнымъ приставомъ; городничій даетъ имъ приказаніе привести все въ порядокъ, мимоходомъ ругаетъ купца Авдулина зато, что тотъ не прислалъ ему новой шпаги, и квартальнаго зато, что не по чину беретъ, и въ концѣ концовъ даетъ обѣщаніе, когда пройдетъ бѣда, поставить такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ, и для этого наложить на каждаго бестію купца доставить по три пуда воску. Городничій уѣзжаетъ, сопровождаемый Добчинскимъ, въ полномъ убѣжденіи, что Хлестаковъ и есть тотъ чиновникъ, о которомъ сообщалось въ письмѣ. Первое дѣйствіе заканчивается сценой Анны Андреевны, жены городничаго. Она подбѣгаетъ къ окну и

оттуда кричитъ мужу, чтобы онъ поскорѣе узналъ, съ какими усами ревизоръ, потомъ бранитъ дочь, которая своимъ кокетствомъ помѣшала ей узнать о ревизорѣ, и наконецъ приказываетъ служанкѣ Авдотьѣ бѣжать скорѣе, подсмотрѣть въ щелку и развѣдать, какіе у ревизора глаза, черные или нѣтъ. Такимъ образомъ, въ первомъ дѣйствіи авторъ знакомитъ насъ во 1) съ завязкой комедіи, которая заключается въ письмѣ о пріѣздѣ ревизора, а во 2) съ приготовительнымъ моментомъ предстоящей борьбы, выразившимся въ совѣщаніяхъ о мѣрахъ къ пріему ревизора и въ суетливой распорядительности городничаго. Отсюда интересъ пьесы сосредоточивается, главнымъ образомъ, на дѣйствіяхъ и положеніи городничаго. «Его поразилъ (слова Гоголя) распространившійся слухъ о ревизорѣ, еще болѣе поразило его то, что этотъ ревизоръ — incognito, неизвѣстно, когда будетъ, съ которой стороны подступить. Онъ находится отъ начала до конца пьесы въ положеніяхъ свыше тѣхъ, въ которыхъ ему случалось бывать въ другіе дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя отъ страха къ надеждѣ и радости, взглядъ его нѣсколько распаленъ отъ того, и онъ сталъ податливѣе на обманъ, и его, котораго въ другое время не скоро можно бы было... обмануть становится возможнымъ».

Второе дѣйствіе, происходящее въ гостинницѣ, обрисовываетъ начало комической борьбы. Оно начинается превосходнымъ монологомъ Осипа, слуги Хлестакова, въ которомъ онъ описываетъ своего барина и самому себѣ читаетъ для него правоученія. Хлестаковъ въ безвыходномъ положеніи: онъ проигрался въ карты; ему рѣшительно нечѣмъ расплатиться съ трактирщикомъ, который мало того, что не хочетъ давать обѣда, но въ добавокъ еще грозитъ пожаловаться городничему. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени является городничій совсѣмъ не съ тою цѣлью, о которой предполагалъ Хлестаковъ. Происходитъ въ высшей степени комическая сцена, превосходно обрисовывающая положеніе и характеръ главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Комизмъ этой сцены заключается въ томъ грандіозномъ недоразумѣніи, въ которомъ находятся оба дѣйствующія лица. «Хлестаковъ (слова Шереметевскаго), являясь невольнымъ пугаломъ для городничаго, самъ боится городничаго; а городничій дрожитъ отъ страха передъ Хлестаковымъ и самъ, конечно, ничуть того не подозрѣ-

вая, пугаетъ Хлестакова; такимъ образомъ, каждый изъ нихъ представляется намъ въ одно и то же время и грознымъ судьей и оробѣвшимъ подсудимымъ». Городничій и Хлестаковъ нѣсколько минутъ оба въ страшномъ испугѣ. Хлестаковъ сначала запирается, но потомъ ободрившись начинаетъ кричать, стучитъ кулакомъ по столу, безсознательно угрожая жалобой министру. Сосредоточенный на мысли о проклятомъ инкогнито съ секретнымъ предписаніемъ, городничій всѣ слова Хлестакова принимаетъ за тонкія штуки; отъ рѣчей его онъ приходитъ даже въ восторгъ: «о, тонкая штука!» говоритъ городничій, «экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! разбери кто хочетъ!» Въ немъ возбуждается нѣкоторое соревнованіе: «нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ». По примѣру Хлестакова городничій и самъ въ свою очередь прибѣгаетъ къ уловкамъ и хитрости; намеками предлагаетъ свои услуги помочь Хлестакову, говоря, что это его обязанность, и когда тотъ проситъ взаймы двѣсти рублей, даетъ ему вмѣсто двухсотъ четыреста, и, наконецъ, предлагаетъ Хлестакову свою квартиру. Городничій такимъ образомъ подкупаетъ ревизора, вполнѣ убѣжденный, что въ этомъ подкупѣ заключается лучшее средство для дальнѣйшей борьбы съ враждебной силой. Онъ нисколько не обнаруживаетъ сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно-ли Хлестаковъ настоящій ревизоръ. «Есть люди (слова Бѣлинскаго), которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ; приведемъ къ нимъ какого-нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки; чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрою книжкою, потому уже только, что онъ ревизоръ, а потому все, что Хлестаковъ ни вралъ послѣ къ явной своей невыгодѣ, только еще болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того, чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза».

Третье дѣйствіе открывается сценой Анны Андреевны съ дочерью: обѣ стоятъ у окна въ ожиданіи извѣстій о пріѣзжемъ ревизорѣ. Входитъ Добчинскій съ запиской отъ городничаго и на вопросъ Анны Андреевны, тотъ-ли ревизоръ, о которомъ со-

общали раньше, говоритъ, что настоящій, и даже съ какою-то гордостью прибавляетъ, что онъ это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ. Добчинскій съ увлеченіемъ разсказываетъ о свиданіи городничаго съ Хлестаковымъ и затѣмъ убѣгаетъ, чтобы посмотрѣть, какъ ревизоръ обозрѣваетъ богоугодныя заведенія. Анна Андреевна совѣтуется съ дочерью, какое платье надѣть и той и другой по случаю пріѣзда «столичной штучки». Въ это время городничій дѣлалъ свое дѣло; онъ завелъ Хлестакова на завтракъ къ попечителю богоугодныхъ заведеній, подпоилъ ревизора, чтобы окончательно склонить и расположить его въ свою пользу. Послѣ небольшой и весьма комической сцены Осипа съ Мишкой, слугою городничаго, квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ въ сопровожденіи городничаго, смотрителя училищъ Луки Лукича Хлопова, попечителя богоугодныхъ заведеній Земляники, Бобчинскаго и Добчинскаго. Слѣдуетъ сцена представленія Анны Андреевны и Марьи Антоновны, ея дочери. Хлестаковъ нѣсколько навеселѣ; подъ вліяніемъ сытной закуски съ виномъ, петербургскій франтъ начинаетъ врать, несетъ околесицу о своемъ будто бы близкомъ знакомствѣ съ министрами, о своей столичной жизни, полной роскоши, о дружбѣ съ Пушкинымъ, о балахъ, на которыхъ подаютъ арбузы въ семьсотъ рублей, о томъ, наконецъ, что онъ однажды управлялъ цѣлымъ департаментомъ, и что скоро его произведутъ въ фельдмаршалы. Хлестаковъ лгалъ тономъ, столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно и наивно, съ такимъ увлеченіемъ и наслажденіемъ, что присутствующіе, убѣжденные, что передъ ними настоящій ревизоръ, невольно должны были принять его ложь за истину. Чѣмъ болѣе горячится Хлестаковъ, тѣмъ страхъ сильнѣе овладѣваетъ городничимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и комизмъ положенія, ибо все волненіе, весь страхъ возбуждены мнимой силой. Хлестаковъ наконецъ уходитъ въ сосѣднюю комнату. Каждый выражаетъ о немъ мнѣніе по своему. Бобчинскій находитъ, что Хлестаковъ самъ генералиссимусъ: «слышали», говоритъ онъ, «государственный-то совѣтъ какъ прижалъ!» Анна Андреевна обворожена тонкими и весьма пріятными манерами Хлестакова: «но только какое тонкое обращеніе», говоритъ она, «сейчасъ можно увидѣть столичную штуку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! я, просто, безъ

памяти». «Послѣ небольшого препирательства съ женою (слова Шереметевскаго), вызваннаго противоположностью ихъ взглядовъ на Хлестакова, городничій высказываетъ далѣе свое крайнее недоумѣніе по поводу стряслшейся надъ нимъ оказіи... Какъ ни былъ озадаченъ, ошеломленъ, потрясенъ до глубины души городничій, только что передъ тѣмъ почувствовавшій было подъ ногами твердую почву, однако онъ одинъ изъ всѣхъ — потому что умнѣе всѣхъ—относится нѣсколько критически къ импровизаціи Хлестакова: онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что ревизоръ и «прилгнулъ немного», потому что красна рѣчь ложью, что онъ и наговорилъ вообще «больше, чѣмъ нужно», потому что человѣкъ молодой; но съ другой стороны онъ убѣжденъ, что половина изъ того, что наговорено, должно быть правдой, потому что у подгулявшаго человѣка что на сердцѣ, то и на языкѣ. Таково уже свойство всякаго прямолинейнаго ума, что разъ онъ изъ обычной узкой колеи выбитъ какой-либо небывалой оказіей, онъ не можетъ взглянуть на дѣло съ иной точки зрѣнія и даже въ минуты нѣкотораго просвѣтлѣнія попадаетъ опять на ту же роковую прямую линію... 9 явленіе III-го дѣйствія даетъ ключъ къ объясненію того, почему городничій не только продолжаетъ глядѣть на Хлестакова все тѣми же «великими глазами страха», но пришелъ въ еще большее разстройство отъ такихъ словъ, какъ: министръ, государственный совѣтъ, дворецъ,—словъ, слишкомъ отвлеченныхъ, не привычныхъ для слуха и языка уѣзднаго чиновничества. Итакъ, критика не привела ни къ чему городничаго, и концы гордіева узла окончательно ускользнули изъ его рукъ». Онъ ухаживаетъ не только за Хлестаковымъ, но и за его лакеемъ Осипомъ, награждаетъ его деньгами, желая вывѣдать отъ него, на что его баринъ обращаетъ больше вниманія. Третье дѣйствіе кончается приказаніемъ городничаго полицейскимъ, чтобы они гнали всѣхъ тѣхъ, которые явятся къ ревизору съ просьбами.

Въ началѣ четвертаго дѣйствія изображается совѣщаніе чиновниковъ, въ парадныхъ мундирахъ собравшихся въ квартирѣ городничаго для обсужденія вопроса о подкупѣ ревизора. Каждый высказываетъ свое мнѣніе, но, по совѣту попечителя богоугодныхъ заведеній, который отлично зналъ, какъ подобнаго рода дѣла дѣлаются въ благоустроенномъ обществѣ, рѣшаютъ явиться къ Хлестакову по-одиночкѣ, да между четырехъ глазъ и дать взятку. За-

слышавъ шаги и откашливаніе Хлестакова, всѣ наперерывъ спѣшатъ къ дверямъ, тискаютъ другъ друга и наконецъ исчезаютъ. Входитъ Хлестаковъ съ заспанными глазами. Онъ доволенъ, что его приняли радушно, что угождаютъ ему отъ чистаго сердца, а не изъ интереса; онъ, очевидно, не понимаетъ, что его принимаютъ за государственнаго человѣка. Слѣдуетъ цѣлый рядъ комическихъ сценъ представленія чиновниковъ, у которыхъ Хлестаковъ подъ видомъ займа набираетъ денегъ болѣе тысячи рублей. Хлестаковъ хотя и начинаетъ послѣ того догадываться, за кого его принимаютъ, и собирается писать письмо въ Петербургъ къ знакомому журналисту Тряпичкину, чтобы тотъ общелкалъ хорошенько всѣхъ чиновниковъ; но тѣмъ не менѣе, довольный пріемомъ, желаетъ еще остаться и «пожуировать» въ городѣ. Входитъ Осипъ. Онъ умнѣе и догадливѣе барина и поэтому совѣтуетъ ему уѣзжать, ибо, неровенъ часъ, какой-нибудь другой наѣдетъ. Хлестаковъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшается послѣдовать благоразумному совѣту Осипа и пишетъ письмо къ Тряпичкину, адресуя его въ Петербургъ въ Почтамтскую улицу. Являются купцы съ жалобой на притѣсненія со стороны городничаго; Хлестаковъ отказывается отъ взятки, которую они предлагаютъ, но беретъ у нихъ деньги взаймы, обѣщая сослать городничаго въ Сибирь. Послѣ небольшой сцены слесарши и унтеръ-офицерши, входитъ Марья Антоновна, которая ищетъ маменьки. Хлестаковъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ ухаживать за наивной барышней, въ концѣ концовъ становится передъ нею на колѣни и, когда приходитъ Анна Андреевна, проситъ у нея руки ея дочери. Та даетъ согласіе. Въ это время входитъ городничій впопыхахъ и начинаетъ оправдываться передъ Хлестаковымъ. Но Анна Андреевна перебиваетъ мужа и сообщаетъ ему, что Иванъ Александровичъ проситъ руки ихъ дочери. Растерявшійся городничій сначала не вѣритъ, но потомъ, убѣдившись въ несомнѣнности предложенія, приходитъ въ восторгъ. Радость городничаго понятна: ревизоръ—такая знатная особа—будущій его родственникъ, все шито-крыто, а въ перспективѣ награды, чины, повышеніе по службѣ. Хлестаковъ уѣзжаетъ на время къ богатому дядѣ, обѣщая скоро вернуться.

Въ первой сценѣ пятаго акта изображается городничій въ его грубыхъ мечтахъ о предстоящемъ блаженствѣ. Все идетъ счастливо для городничаго: ревизоръ обманутъ, плутни и мошен-

ничества скрыты отъ взора карающаго ихъ закона и стало быть достигнута та цѣль, къ осуществленію которой направлены были всѣ помыслы и стремленія. Вѣсть о женитьбѣ Хлестакова на Марьѣ Антоновнѣ съ быстротою молніи распространяется по городу. Собираются гости; они подличаютъ передъ городничимъ: всѣ поздравляютъ его съ необыкновеннымъ счастьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполголоса ругаютъ изъ зависти. Между тѣмъ вбѣгаетъ почтмейстеръ съ распечатаннымъ письмомъ, изъ котораго всѣ и узнаютъ, что Хлестаковъ вовсе не ревизоръ. Слѣдуетъ комическая сцена чтенія письма, въ которомъ Хлестаковъ смѣшными чертами характеризуетъ уѣздныхъ чиновниковъ, начиная съ городничаго. Итакъ, городничій теперь только приходитъ въ себя, теперь только видитъ, что онъ обманутъ и одураченъ. Но онъ, однако, не раскаивается въ своихъ безнравственныхъ дѣяніяхъ: ему только досадно, что онъ позволилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху. Онъ приходитъ въ бѣшенство, неистовствуетъ; его поражаетъ то, что найдутся, по его мнѣнію, такіе бумагомараки, которые, не щадя ни званія, ни чина, выведутъ его въ комедіи на посмѣшище, и вотъ онъ разражается бранью и ругательствами на писателей, называя ихъ щелкоперами, чортовымъ сѣменемъ и т. п. эпитетами. Ниже мы укажемъ на значеніе этихъ словъ городничаго. Всѣ набрасываются на Бобчинскаго и Добчинскаго, какъ первыхъ сообщившихъ о пріѣздѣ ревизора; брань на нихъ сыплется со всѣхъ сторонъ. Въ довершеніе всего, какъ снѣгъ на голову, является жандармъ и докладываетъ, что пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ городничаго немедленно къ себѣ. «Слова жандарма поражаютъ какъ громомъ всѣхъ; звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи».

Характеристика городничаго и окружающихъ его лицъ. Въ комедіи, какъ произведеніи драматическомъ, есть два существенныхъ элемента: характеры и развитіе дѣйствія. Обратимся сначала къ описанію характеровъ, изображенныхъ въ «Ревизорѣ», которое поможетъ намъ выяснить, какъ идею комедіи, такъ и ея общественное значеніе. Герой комедіи «Ревизоръ», главное дѣйствующее лицо — городничій Сквозникъ-Дмухановскій: на немъ сосредоточиваются всѣ отдѣльные моменты дѣйствія, въ его ха-

рактерѣ выражается, главнымъ образомъ, идея пьесы. Городничій человѣкъ не глупый, но умъ его, умъ практика-чиновника старыхъ временъ, который «не любитъ пропускать того, что плыветъ въ руки», умѣетъ взяться за какое-нибудь дѣльце и ловко вывернуться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Зная отлично, что ревизоры болѣе обращаютъ вниманіе на наружныя стороны, Городничій дѣлаетъ такія распоряженія, которыя прямо говорятъ о его служебной сообразительности и опытности: онъ приказываетъ взять десятскихъ и вымести улицу, идущую къ трактиру, поставить для благоустройства на мосту квартальнаго поручика высокаго роста, разметать наскоро старый заборъ и поставить соломенную вѣху, чтобы было похоже на планировку. Но практичность ума зачастую соединяется съ плутовствомъ; такъ было и у Городничаго: онъ даетъ плутовской совѣтъ почтмейстеру распечатывать письма, и даже самъ о себѣ говоритъ, что обманывалъ мошенниковъ надъ мошенниками, поддѣвалъ на уду такихъ пройдохъ и плутовъ, которые готовы были обокрасть весь свѣтъ. Съ плутовствомъ соединено въ Городничемъ и весьма тонкое лицемѣріе. На службу онъ смотритъ какъ на источникъ личнаго обогащенія, ибо общественные интересы для него чужды: между тѣмъ въ глазахъ ревизора онъ старается показать себя ревностнымъ служакой, цѣль жизни котораго будто бы въ устройствѣ дѣлъ, въ заботахъ объ общественной пользѣ, а не въ мечтахъ и надеждахъ на награду и вниманіе начальства. «Ужъ на что», говоритъ она, «головоломна обязанность градоначальника! Сколько лежитъ всякихъ дѣлъ относительно одной чистоты, починки, поправки: словомъ нанумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе: но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой! какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно... Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, но крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало, то чего же мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета». На вопросъ Хлестакова, нѣтъ-ли въ городѣ какихъ развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было по-

играть въ карты, Городничій не задумываясь отвѣчаетъ, что о такихъ обществахъ здѣсь и слуху нѣтъ, что онъ и самъ картъ въ руки никогда не бралъ, а между тѣмъ наканунѣ выпонтировалъ сто рублей у смотрителя уѣзднаго училища. Какъ человѣкъ необразованный, Городничій весьма грубъ въ обращеніи съ людьми; онъ не въ состояніи удержаться отъ рѣзкихъ проявленій своей животной натуры; онъ ругаетъ пришедшихъ къ нему купцовъ, которые жаловались на него ревизору, называетъ ихъ самоварниками, архиплутами и протобестіями, сулитъ имъ семь чертей и одну вѣдьму въ зубы, такъ что даже Анна Андреевна, уже привыкшая къ такимъ пріемамъ мужа, и та не выдержала: «ахъ, Боже мой!» замѣтила она, «какія ты, Антоша, слова произносишь!» У грубаго человѣка и желанія грубыя. Придя въ неистовый восторгъ отъ того, что дочь его выходитъ за-мужъ за такого человѣка, котораго и на свѣтѣ еще не было, который можетъ прогнать всѣхъ въ городѣ и въ тюрьму посадитъ, Городничій высказываетъ весьма своеобразный взглядъ на то положеніе, какое онъ займетъ, когда будетъ генераломъ. «Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — говоритъ онъ. Потому что случится поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ, — лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается; всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь! Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой городничій! Хе, хе, хе! Вотъ, что, канальство, заманчиво»! Такимъ образомъ, по понятію Городничаго, быть генераломъ значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, угнетать и презирать всѣхъ тѣхъ, которые находятся отъ него въ зависимости; и легко представить себѣ, насколько пріятно могло бы быть положеніе другихъ, если бы судьба послала нашему городничему генеральскій чинъ. Главныя черты въ характерѣ Городничаго, противъ которыхъ особенно направлена насмѣшка писателя — это взяточничество, казнокрадство и произволъ. Антонъ Антонычъ беретъ взятки и деньгами и натурой: по словамъ купцовъ, онъ справляетъ свои именины два раза въ году, на Антона и на Онуфрія, чтобы оба раза ему несли соотвѣтствующія приношенія; не гнушается даже и такимъ черносливомъ, который, по словамъ торговца Авдулина, по семи лѣтъ лежитъ въ бочкѣ; онъ откровенно признается, что присвоилъ себѣ казенныя деньги, ассигнованныя на постройку церкви при богоугодномъ заведеніи, а въ

рапортѣ начальству представлялъ, что церковь начала строиться, но сгорѣла. Городничій отлично понимаетъ, что ему, какъ главному начальнику города, всѣ должны подчиняться; отсюда его безграничный произволъ: онъ сѣчетъ, ни за что, ни про что, унтеръ-офицерскую жену, моритъ постоемъ купцовъ, приказываетъ мужа слесарши забрить въ солдаты. Произволъ градоначальника, его наклонность къ незаконнымъ поборамъ прекрасно обрисовываются въ слѣд. сценѣ:

Купцы. Не погуби, государь! обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлест. Отъ кого?

Одинъ изъ купц. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: «ахъ ты татаринъ». Ей-Богу! Еслибы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его; а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего мало — ей-ей! Придетъ въ лавку, и что ни попадаетъ, все беретъ: сукна увидитъ штуку, говоритъ: «Э, милый, это хорошее суконце; снеси-ка его ко мнѣ». Ну и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлест. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!...

Купцы. Ей-Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря «чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлест. Да это просто разбойникъ.

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери: «Я тебя не буду», говоритъ, «подвергать тѣлесному нака-

занію, или пыткой пытать — это, говоритъ, запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки».

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это прямо въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше.

Отсутствіе всякаго нравственнаго воспитанія, а, стало быть, и сознанія общественнаго долга, побуждаетъ Городничаго прибѣгать къ дурнымъ средствамъ ради личнаго благосостоянія. Онъ, правда, понимаетъ, что средства эти не безопасны, но оправдываетъ себя тѣми принципами, къ которымъ, обыкновенно, прибѣгали всѣ подобные ему люди: что казеннаго жалованья не хватаетъ на чай и сахаръ, что нѣтъ человѣка, который не имѣлъ бы за собою какихъ-нибудь грѣховъ, и «волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ», что, наконецъ, всѣ такъ дѣлаютъ. Принципъ — «всѣ такъ дѣлаютъ» заглушаетъ совѣсть городского управителя, какъ заглушалъ онъ ее и въ дѣйствительности у всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ писатель изобразилъ въ лицѣ Сквозника-Дмухановскаго. Такъ обрисована въ комедіи личность главнаго ея героя. Сходны съ нимъ во многомъ и другіе представители уѣздной администраціи, изображенные въ пьесѣ: всѣ они взяточники и казнокрады, всѣ совершенно одинаково относятся къ службѣ, начальству, къ личнымъ интересамъ. Попечитель богоугодныхъ заведеній нисколько не заботится о больныхъ: они ходятъ у него въ грязныхъ колпакахъ и очень похожи по одеждѣ на кузнецовъ. Судья таковъ же: у него въ передней суда сторожа заводятъ домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, въ самомъ присутствіи высушивается всякая дрянь, а надъ шкафомъ съ бумагами, виситъ охотничій арапникъ. Какъ судья смотритъ на свои обязанности, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «а я на этотъ счетъ спокоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и загляднетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ уже пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! Только рукой махну! Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда». Но есть у чиновниковъ и такія черты, которыя нѣсколько отличаютъ ихъ другъ отъ друга. Почтмейстеръ Шпекинъ (по словамъ Гоголя) простодушный до наивности человѣкъ; онъ ужасно любитъ узнать, что новаго есть на свѣтѣ, и преспокойно распечатываетъ чужія

письма, находя въ нихъ больше назидательности, чѣмъ въ газетахъ; на вопросъ городничаго, какъ онъ думаетъ о прибытіи въ городъ ревизора, наивный почтмейстеръ отвѣчаетъ, что будетъ война съ турками и что это все французъ гадитъ. Судья, подобно городничему, беретъ взятки, но дѣлаетъ это (по объясненію самого Гоголя) изъ своей страсти къ псовой охотѣ, безъ всякаго сознанія неправды; «занятый собою и своимъ умомъ», онъ, единственно подъ вліяніемъ этого побужденія, позволяетъ себѣ безбожничать и доходитъ до такихъ либеральныхъ мыслей и разговоровъ, отъ которыхъ, по выраженію городничаго, волосы дыбомъ становятся. Смотритель богоугодныхъ заведеній очень тонкій плутъ; изъ желанія вывернуться въ какихъ-нибудь бѣдственныхъ обстоятельствахъ, онъ, по чувству самосохраненія, способенъ утопить другого, унечь его какою-нибудь каверзою или доносомъ, забывъ и кумовство и дружбу. Галлерея типовъ уѣздныхъ обывателей прекрасно дополняется типами жены и дочери Городничаго и городскихъ помѣщиковъ, Бобчинскаго и Добчинскаго. Анна Андреевна—это типъ уѣздной кокетки: она пресерьезно споритъ съ дочерью о томъ, въ какихъ платьяхъ лучше всего явиться имъ обѣимъ передъ Хлестаковымъ, записываетъ въ послѣднемъ и, забывая свое положеніе матери, безцеремонно, съ апплобомъ заявляетъ, что она понравилась Хлестакову, что онъ больше поглядывалъ на нее, чѣмъ на дочь. Приводимъ двѣ сцены, въ которыхъ прекрасно очерчивается комизмъ характера городничихи.

Анна Андр. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье, съ мелкими оборками.

Марья Ант. Фи, маменька, голубое мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ; нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андр. Цвѣтное! Право, говоришь, лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше потому, что я хочу надѣть палевое, я очень люблю палевое.

Марья Ант. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андр. Мнѣ палевое нейдетъ!

Марья Ант. Нейдетъ, я, что угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андрееевна. Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные? Самые темные! Какой вздоръ говоришь. Какъ же не темные, когда я гадаю про себя всегда на трефовую даму.

Марья Ант. Ахъ маменька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. Этакое вдругъ вообразится: червонная дама! Богъ знаетъ что такое.

. . . . . .

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штуку. Пріемы, и все это такое. Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я однакожъ ему очень понравилась: я замѣтила— все на меня поглядывалъ.

Марья Ант. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Ант. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андр. Ну вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить, нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя, и съ какой стати ему смотрѣть на тебя!

Марья Ант. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только... «а, говоритъ себѣ, дай ужъ посмотрю на нее».

Марья Антоновна—образецъ провинціальной русской барышни тридцатыхъ годовъ: она любительница альбомныхъ стиховъ, существо безотвѣтное и въ высшей степени наивное. «Бобчинскій и Добчинскій (слова Бѣлинскаго) это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ и, чтобы ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями,

составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ — выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираніи новостей и сплетней. Обогатясь подобною находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаніемъ своей важности и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема». Бобчинскій нѣсколько отличается отъ Добчинскаго. Онъ зараженъ мелкимъ и глупымъ тщеславіемъ. «Я прошу васъ», обращается онъ къ Хлестакову, «какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ толъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій».

Характеристика Хлестакова. Въ противоположность провинціаламъ, Гоголь въ лицѣ Хлестакова изображаетъ человѣка изъ совершенно другой среды и обстановки. Типы уѣздныхъ чиновниковъ—это продуктъ захолустнаго быта, условій жизни тѣхъ медвѣжьихъ угловъ, которыхъ такъ много было на Руси шестьдесятъ лѣтъ назадъ; они, благодаря успѣхамъ образованности и развитію общественной жизни, пожалуй, уже и невозможны въ настоящее время. Черты же, представленныя въ Хлестаковѣ, можно встрѣтить и теперь: отдѣльныя его качества попадаются у людей разныхъ положеній и званій. Хлестаковъ—столичный франтъ и щеголь, пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ; чтобы занять свою пустоту и удовлетворить чувству мелкаго тщеславія, онъ мотаетъ деньги, присылаемыя ему отцомъ, и зачастую доходитъ до того, что пускаетъ въ оборотъ платье, за безцѣнокъ продаетъ его на рынкѣ. «Батюшка пришлетъ денежки», говоритъ Осипъ о своемъ баринѣ, «чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сюртучишка да шинелишка, ей Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить

нечего—ни по чемъ идутъ». Большой любитель картежной игры, Хлестаковъ благоговѣетъ передъ обыгравшимъ его пензенскимъ капитаномъ, по своей глупости видя великое достоинство послѣдняго въ томъ, что онъ удивительно штосы срѣзываетъ. «Хлестаковъ (слова Гоголя изъ письма къ одному литератору) вовсе не надуваетъ уѣздныхъ чиновниковъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ забываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ; видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по этому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально, онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого». Чтобы лгать съ намѣреніемъ извлечь изъ лжи выгоду, надо все-таки сообразить, коечто и подумать, Но Хлестаковъ принадлежитъ къ тому разряду людей, которые не могутъ думать, которые, дѣйствуя и говоря безъ всякаго соображенія, не въ состояніи остановить вниманія на какой-нибудь самой простой мысли. Въ рѣчахъ Хлестакова нѣтъ никакой связи: онъ перескакиваетъ съ одного предмета на другой; а въ минуты, особенно вдохновенныя, въ его головѣ поднимается невообразимая путаница: въ сценѣ вранья, въ III дѣйствіи, когда его «толкнули» на разговоръ о литературѣ, онъ начинаетъ путать заглавія романовъ, комедій, оперъ, воображаетъ себя авторомъ водевилей, композиторомъ, сочинителемъ цѣлыхъ журналовъ, наконецъ редакторомъ, поправляющимъ стихи всѣмъ авторамъ и получающимъ за это отъ книгопродавца Смирдина сорокъ тысячъ. Каковъ Хлестаковъ въ разговорахъ съ другими, таковъ же онъ и въ монологахъ: и здѣсь онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пониманія своего положенія среди уѣздныхъ чиновниковъ. Выходя изъ комнаты, послѣ того какъ выспался всласть, онъ говоритъ: «я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностью проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюся, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая

жизнь». Онъ, какъ видите; выражаетъ здѣсь только свое благодушіе, и затѣмъ принимаетъ какъ гостей тѣхъ чиновниковъ, которые являются къ нему оффиціально, въ полной парадной формѣ. Хлестаковъ — это (слова г. Шереметевскаго) «одинъ изъ многочисленныхъ экземпляровъ цѣлой массы людей съ натурой центробѣжною, представляющею крайній предѣлъ экспансивности—людей показныхъ. Впечатлительность и стремительность—вотъ два главные признака подобныхъ натуръ во всѣхъ разновидностяхъ этого антропологическаго семейства. Въ самомъ дѣлѣ, у Хлестакова между впечатлѣніемъ и желаніемъ почти не бываетъ промежутка; между желаніемъ и дѣйствіемъ тоже трудно уловить какой-нибудь интервалъ: вся его психическая жизнь въ трехъ словахъ: *чувствую, желаю и дѣйствую*. Онъ рабъ настоящей минуты; прошедшее и будущее для него не существуютъ, потому что при стремительномъ увлеченіи настоящею минутою слѣды прошедшаго быстро сглаживаются, а соображенія относительно будущаго не успѣваютъ сложиться. Отсюда безсодержательность, пустота внутренняя, дающая пустоту внѣшнюю,—вѣчное стремленіе «подпускать пыль», стремленіе къ этому высшему для Хлестаковыхъ идеалу, который весь исчерпывается тремя словами: *блеснуть, пленить и улетѣть*, суммируемыми въ свою очередь однимъ словомъ «Хлестаковщины». Хлестаковъ это типическій представитель наивныхъ шелопаевъ, мальчишекъ-вѣтрогоновъ, «трактирныхъ денди», какъ мѣтко опредѣлилъ его Бѣлинскій. Но въ Хлестаковѣ есть и черты, такъ сказать, общечеловѣческаго свойства, по крайней мѣрѣ, самъ Гоголь указываетъ на это въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Хлестаковъ, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудъ на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣ-

сколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ очень ловко повернется и какъ бы и не онъ».

«Многіе (слова Бѣлинскаго) почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? Страхъ городничаго; слѣдовательно, онъ созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ, — и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ *), и комедія была бы не кончена, если бы окончилась четвертымъ актомъ».

Общее заключеніе о характерахъ въ «Ревизорѣ». Мы выше сказали, что существенными элементами комедіи, какъ драматическаго произведенія, являются характеры и развитіе дѣйствія. Посмотримъ, какъ то и другое представлено въ комедіи Гоголя. Изображеніе характеровъ составляетъ существенное отличіе художественной комедіи отъ комедіи интриги, гдѣ главную роль играютъ не характеры, а изображеніе запутанныхъ обстоятельствъ и неожиданныхъ для зрителя столкновеній и происшествій. Характеры въ художественныхъ комедіяхъ отличаются двумя главнѣйшими свойствами: типичностью и отсутствіемъ карикатуры. Драматургъ-художникъ не ограничивается тѣмъ, что даетъ ему наблюдаемая имъ дѣйствительность: подмѣчая ту или другую страсть, изучая проявленія ея на многихъ людяхъ, онъ собираетъ всѣ ея отдѣльныя черты въ одинъ художественный образъ, такъ что характеръ, созданный фантазіею поэта, является типомъ, т. е. изображаетъ не простой списокъ съ частныхъ явленій, а такую лич-

*) Фантомъ—привидѣніе, призракъ.

ность, которая, выражая нравственные недостатки человѣка, въ то же время олицетворяетъ собою какой-нибудь слой общества. Характеры, созданные Гоголемъ, и есть типы, именно потому, что образы Городничаго и другихъ воспроизводятъ выдающіяся свойства уѣзднаго чиновничества тридцатыхъ годовъ. Комизмъ, которымъ проникнута личность Городничаго, вполнѣ естественный: въ немъ нѣтъ ничего карикатурнаго, ибо всѣ смѣшныя стороны этого человѣка проистекаютъ изъ свойствъ его природы, изъ оригинальнаго и совершенно своеобразнаго взгляда на службу, на отношеніе къ закону, при чемъ этотъ человѣкъ совершенно чуждъ сознанія того, что его дѣйствія есть рядъ заблужденій и противорѣчій законамъ ума и нравственности. Такимъ же комизмомъ отличаются характеры и другихъ лицъ комедіи: судья, напримѣръ, серьезно думаетъ, что у него глубокомысленный умъ; онъ травитъ зайцевъ на земляхъ тяжущихся помѣщиковъ, нисколько не сознавая, что подобнаго рода удовольствія совершенно несовмѣстны съ обязанностями человѣка, въ рукахъ котораго находится правосудіе. Правда, какъ у городничаго, такъ и у другихъ чиновниковъ пробуждается страхъ при появленіи ревизора; но этотъ страхъ происходитъ у нихъ не отъ сознанія преступности ихъ дѣяній въ нравственномъ отношеніи, а отъ ожиданія того наказанія, которое налагается закономъ. Въ образахъ, созданныхъ Гоголемъ, мы не видимъ и тѣни карикатуры. Правда, талантливая карикатура можетъ быть очень забавна и возбуждаетъ смѣхъ. Но въ герояхъ комедіи «Ревизоръ» мы видимъ проявленіе истиннаго комизма, возбуждающаго такой смѣхъ, съ которымъ соединяются въ душѣ зрителя чувство скорби и сожалѣнія при видѣ нравственнаго паденія личности, при созерцаніи безобразій того или другого лица, несогласныхъ съ его общественнымъ положеніемъ.

Внѣшнее и внутреннее единство въ комедіи и ея идея. Дѣйствіе въ комедіи слагается изъ тѣхъ фактовъ, которые являются слѣдствіемъ борьбы однѣхъ силъ съ другими, имъ враждебными или противоположными. Такого же рода факты составляютъ и дѣйствіе «Ревизора». Безнравственные уѣздные управители принимаютъ случайно проѣзжавшаго черезъ ихъ городъ петербургскаго чиновника за настоящаго ревизора, о назначеніи котораго имъ было уже извѣстно. Вся цѣль, всѣ стремленія городничаго, напуганное воображеніе котораго сдѣлало изъ

Хлестакова олицетвореніе карающей силы закона, направлены къ тому, чтобы склонить эту силу въ свою пользу и такимъ образомъ избѣжать наказанія за преступныя дѣянія. Отсюда происходитъ борьба, раскрывающая передъ глазами зрителя различные моменты душевнаго состоянія героя; но борьба эта комическая: она ведется противъ мнимой силы, изображаетъ отрицательныя стороны дѣйствительности, т. е. міръ пошлыхъ, мелкихъ страстей, пошлаго эгоизма. Изъ теоріи драматической поэзіи извѣстно, что для выраженія идеи борьбы и представленія характеровъ въ ихъ взаимномъ отношеніи драматургъ долженъ избрать такой моментъ изъ жизни своихъ героевъ, въ которомъ могла бы выразиться вся ея сущность и значеніе. Такимъ моментомъ въ комедіи Гоголя является пріѣздъ ревизора. На этомъ моментѣ основано все движеніе пьесы, къ нему пріурочиваются всѣ подробности дѣйствія, изъ которыхъ ни одна не кажется излишнею, но имѣетъ то или другое отношеніе къ главному событію, т. е. къ появленію ревизора. Но, кромѣ этого, такъ сказать, внѣшняго единства, выражающагося въ событіи, въ пьесѣ Гоголя мы видимъ еще единство внутреннее, именно въ ея идеѣ. Въ «Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія комедіи» Гоголь устами одного изъ любителей искусствъ говоритъ: «правитъ пьесою идея, мысль; безъ нея нѣтъ въ ней единства». Какая же идея въ комедіи Гоголя? Въ «Авторской исповѣди» Гоголь высказываетъ, что въ «Ревизорѣ» онъ рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое онъ тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ. По выраженію одного изъ зрителей въ «Театральномъ разъѣздѣ», «Ревизоръ» это сборное мѣсто. Отовсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ: произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго». Комедія Гоголя и представляетъ довольно полную картину уродливыхъ и порочныхъ явленій нашей старой жизни. Чиновники, во главѣ съ городничимъ, заботятся единственно о наживѣ, обираютъ обывателей, пользуясь находящеюся въ ихъ рукахъ властью, не имѣя ни малѣйшаго понятія о законѣ, о казенномъ интересѣ. Низкій уровень нравственности уѣзднаго общества вы-

ражается и въ его отношеніи къ религіи: взяточникъ и казнокрадъ, Городничій гордится тѣмъ, что онъ твердъ въ вѣрѣ и каждое воскресенье ходитъ въ церковь; онъ обращается къ Богу съ просьбою помочь ему прикрыть свои грѣшки и обѣщаетъ, какъ пройдетъ гроза, поставить огромную свѣчу. Насколько низко въ этомъ обществѣ умственное развитіе, видно изъ того, что безтолковое вранье полупьянаго Хлестакова принимается за чистую монету. Семейныя отношенія здѣсь также полны неправды и заблужденія: городничій соглашается выдать замужъ свою дочь за неизвѣстнаго человѣка ради того только, что такая сдѣлка можетъ доставить ему повышеніе по службѣ и даже ленту чебезъ плечо; его супруга безъ всякаго стѣсненія споритъ съ дочерью о цвѣтѣ глазъ, который наиболѣе нравится мужчинамъ. «Это положеніе города (слова В. П. Острогорскаго) ужаснѣе еще тѣмъ, что всѣ эти нравственные уроды не какія-нибудь исключенія, не злодѣи, а просто обыкновенные, даже въ сущности добродушно-наивные люди, и не подозрѣвающіе того, что слѣдуетъ жить иначе, не чувствующіе ни малѣйшей потребности въ иной, лучшей жизни». Такимъ образомъ, осмѣяніе указанныхъ выше явленій и составляетъ основу всей комедіи «Ревизоръ», или ея идею. Гоголя упрекали въ томъ, что въ его комедіи нѣтъ ни одного честнаго лица, но онъ самъ говоритъ, что честнымъ лицомъ въ его пьесѣ является смѣхъ. «Смѣхъ (слова Гоголя въ «Театральномъ разъѣздѣ») значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера, не тотъ также легкій смѣхъ, который излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно бьющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрагаясь «неужели есть такіе люди?» тогда какъ по собственному сознанію его бываютъ люди хуже...» Далѣе Гоголь говоритъ о значеніи смѣха для тѣхъ, противъ которыхъ онъ направленъ, о его нравственномъ вліяніи: «насмѣшки боится

даже тотъ, кто ужъ ничего не боится на свѣтѣ». Исходя изъ этой мысли, Гоголь не вывелъ въ своей комедіи ни одного привлекательнаго лица: если бы (слова одного изъ зрителей въ «Театральномъ разъѣздѣ») хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію и помѣщено со всей увлекательностью, то всѣ до одного перешли бы на сторону этого истиннаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь». Взглядъ Гоголя на важное и серьезное значеніе комическаго смѣха даетъ намъ ключъ къ объясненію развязки его пьесы. Комедія кончается появленіемъ жандарма, извѣщающаго о пріѣздѣ въ городъ дѣйствительнаго ревизора. Такая развязка случайна, она приведена авторомъ, по замѣчанію В. Я. Стоюнина, съ цѣлью показать, что законъ долженъ явиться съ карою не скрытно, а явно, и сразу поражать страхомъ, не давая себя опутывать. Но настоящею нравственною развязкою пьесы, вытекающею изъ всѣхъ фактовъ, въ ней представленныхъ, должны быть признаны слова городничаго, въ которыхъ онъ съ негодованіемъ и злобой обрушивается на «писакъ», т. е. писателей, выставляющихъ на смѣхъ злоупотребленія и пороки общественныхъ дѣятелей. Негодованіе и злоба являются здѣсь единственно изъ боязни гласности. Людей, подобныхъ тѣмъ, какіе представлены въ комедіи, трудно измѣнить увѣщаніями во имя религіи или чувства чести и долга, а что касается закона, то вѣдь они настолько умудрились, что всевозможными лазейками легко могутъ обходить его. Стало быть, на подобныхъ людей болѣе всего дѣйствуетъ смѣхъ: боязнь его и можетъ служить залогомъ того, что человѣкъ, пораженный имъ, уже несетъ въ душѣ сознаніе своихъ поступковъ и беззаконныхъ дѣяній. Таково нравственное значеніе той идеи, которая положена въ основу комедіи «Ревизоръ». Что комедія вообще можетъ имѣть высокое нравственное значеніе, подобно другой важнѣйшей отрасли драматической поэзіи, именно трагедіи, на это указываетъ какъ самъ Гоголь, такъ и другіе писатели. «Развѣ положительное и отрицательное (слова одного изъ лицъ въ «Театральномъ разъѣздѣ»), не можетъ служить одной и той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низости, отступленія отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, чего требуетъ отъ насъ за-

конъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокою мыслью послужить прекрасному». Весьма важное нравственное значеніе придавалъ комедіи и знаменитый нѣмецкій писатель и критикъ Лессингъ. «Комедія», пишетъ онъ, «не ограничивается исправленіемъ именно только тѣхъ пороковъ, надъ которыми смѣется, и только тѣхъ людей, которые заражены этими смѣшными слабостями. Ея истинная польза, общая для всѣхъ, заключается въ самомъ смѣхѣ, въ упражненіи нашей способности подмѣчать смѣшное, легко и быстро раскрывать его подъ разными масками страсти и моды, во всѣхъ его сочиненіяхъ съ другими еще худшими качествами, а также съ хорошими, даже подъ морщинами строгой серьезности. Если мы допустимъ, что «Скупой» Мольера не исправилъ ни одного скупого, а «Игрокъ» Ренара ни одного игрока, если согласимся, что смѣхъ никоимъ образомъ не можетъ исправить этихъ безумцевъ, тѣмъ хуже для нихъ, а не для комедіи. Если она не можетъ врачевать неизлѣчимо больныхъ, то съ нея достаточно и того, что она будетъ укрѣплять силы здоровыхъ. Комедія «Скупой» назидательна и для щедраго, а «Игрокъ»—и для того, кто совсѣмъ не играетъ: тѣ слабости, которыхъ они чужды, есть у другихъ, съ которыми имъ приходится жить: полезно знать тѣхъ, съ кѣмъ легко можно встрѣтиться въ обществѣ, полезно предохранять себя отъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, производимыхъ примѣромъ. Предохранительная мѣра есть тоже отличное лѣкарство, и въ цѣлой морали нѣтъ средства болѣе сильнаго и дѣйствительнаго, какъ смѣхъ».

Особенности комедіи Гоголя. Переходимъ къ вопросу о томъ, въ чемъ заключаются особенности комедіи «Ревизоръ» и какое мѣсто она должна занимать въ исторіи русской литературы, для чего сдѣлаемъ краткій обзоръ русской комедіи до Гоголя. Со времени реформъ Петра Великаго, когда Россія вошла въ близкія сношенія съ Европой, русская литература, какъ извѣстно, подчинилась вліянію европейской, изъ которой она заимствовала не только форму, но и содержаніе. Русская комедія также переживала періодъ подражанія, тѣмъ не менѣе ей особенно посчастливилось въ томъ отношеніи, что она ранѣе другихъ отраслей литературы освободилась отъ рабскаго подчиненія европейскимъ пи-

сателямъ, обратилась къ воспроизведенію явленій народной жизни и, мало-по-малу, сдѣлалась самобытною, сначала въ содержаніи, а затѣмъ и въ формѣ. Первымъ писателемъ въ области русской комедіи былъ Сумароковъ Но его произведенія не имѣютъ художественнаго значенія: въ нихъ нѣтъ не только типовъ, но и характеровъ; «онѣ бѣдны содержаніемъ (слова кн. Вяземскаго), расположеніемъ, искусствомъ. Брюзгливыя выходки патріотизма, болѣе полицейскаго, нежели государственнаго, при видѣ частныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, придаютъ многимъ сценамъ его странное движеніе. Онъ часто переноситъ горячій памфлетъ *) въ свои холодныя комедіи». Недостатокъ истиннаго комизма у Сумарокова замѣняется рѣзкими нападками на отдѣльныя личности, на что указалъ уже современникъ его Тредьяковскій, сказавъ въ разборѣ комедій Сумарокова, что «комедія дѣлается для исправленія нравовъ въ цѣломъ обществѣ, а не для убіенія чести въ нѣкоторомъ человѣкѣ». Вся заслуга Сумарокова на поприщѣ комедіи заключается единственно въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку на комедію изъ русскихъ нравовъ, указалъ путь для другихъ, болѣе его одаренныхъ драматическимъ талантомъ. Мотивы комедій у большинства авторовъ прошлаго вѣка, болѣе или менѣе, были однообразны, сатира ихъ не отличалась особенною глубиною: таковы, напримѣръ, комедіи Княжнина, которыя, правда, мѣстами остроумны, но, тѣмъ не менѣе, представляютъ не что иное, какъ передѣлки французскихъ пьесъ на русскіе нравы и не заключаютъ въ себѣ ни одного художественно созданнаго комическаго типа или характера. Первую и можно сказать вполнѣ удачную попытку создать характеръ мы видимъ у Фонвизина въ его г-жѣ Простаковой, главной героинѣ комедіи «Недоросль». Простакова это совершенно оригинальный типъ, превосходно олицетворяющій цѣлый общественный слой русскаго общества прошлаго вѣка, полный невѣжества, деспотизма и грубаго обращенія съ низшими. Комедія «Недоросль» была первою національною комедіею, ибо въ ней впервые русская дѣйствительность явилась въ неприкрашенномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, и это произведеніе нельзя назвать вполнѣ художественнымъ: за исключеніемъ г-жи Простаковой дѣйствующія

*) Памфлетомъ называется небольшое сочиненіе полемическаго, чаще всего обвинительнаго содержанія. Обыкновенно памфлету приписываютъ авторство клеветы.

лица комедіи Фонвизина, въ которыхъ осмѣиваются уродливыя явленія русской жизни, представлены карикатурно; дѣйствіе комедіи безпрестанно задерживается длинными діалогами добродѣтельныхъ лицъ, чѣмъ, конечно, нарушается то движеніе, которое присуще комедіи, какъ произведенію драматическому; наконецъ языкъ комедіи мѣстами отличается книжностью, искусственностью и не чуждъ галлицизмовъ. Кромѣ «Недоросля», изъ пьесъ комическаго репертуара пользовалась довольно продолжительнымъ успѣхомъ комедія Капниста «Ябеда»; но, обличая довольно недурными стихами грабительскіе инстинкты современныхъ отправителей правосудія, эта комедія, тѣмъ не менѣе, отличается ничтожностью сюжета, отсутствіемъ движенія и сценическаго дѣйствія, наконецъ, весьма слабыми чертами комизма. Такимъ образомъ, русская комедія прошлаго вѣка, обличая и подчасъ довольно мѣтко неурядицы общественной и семейной жизни, не имѣетъ все-таки такихъ образцовъ, которые могли бы назваться вполнѣ художественными произведеніями. Первымъ художественнымъ созданіемъ въ области комедіи была пьеса Грибоѣдова «Горе отъ ума». «Какъ картина (слова Гончарова), она, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю». Грибоѣдовъ показалъ образецъ самостоятельнаго творчества въ созданіи типовъ изъ жизни русскаго общества, замѣчательныхъ по своей правдѣ и художественности. «Горе отъ ума», какъ произведеніе высоко даровитаго писателя, произвело рѣшительный переворотъ въ нашей драматической литературѣ. Грибоѣдовъ блистательно доказалъ, какой обильный матеріалъ можетъ доставить русское общество комическому писателю, и въ какомъ направленіи должна развиваться наша комедія, если она желаетъ достигнуть общественнаго значенія. Русская комедія здѣсь впервые отдалилась отъ книжнаго языка, какимъ писалась она до появленія «Горя отъ ума»; каждое слово этой послѣдней дышетъ, по замѣчанію Бѣлинскаго, комическою жизнью, поражаетъ быстротою ума, оригинальностью оборотовъ, такъ что стихи обра-

тились въ пословицы и могутъ примѣняться къ различнымъ обстоятельствамъ жизни. Переворотъ, произведенный Грибоѣдовымъ, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что цѣлымъ рядомъ художественныхъ типовъ и характеровъ писатель нанесъ рѣшительный ударъ старой русской комедіи, которая, за весьма не многими исключеніями, списывалась съ французскихъ образцовъ, часто противорѣчившихъ нашему образу мыслей, нашей жизни и ея условіямъ.

Если сравнить комедію «Ревизоръ» съ предшествовавшими ей произведеніями, то не трудно замѣтить тѣ особенности, какими она отличается отъ нихъ. Прежде всего бросается въ глаза та особенность комедіи Гоголя, что въ ней нѣтъ ни одного положительнаго характера, въ которомъ выставлена была бы идеальная личность, какъ противовѣсъ комическимъ типамъ. Въ «Недорослѣ» мы видимъ такую личность въ образѣ Стародума, у Грибоѣдова въ характерѣ Чацкаго. Гоголь самъ объяснилъ, почему онъ такъ сдѣлалъ, и объ этомъ мы сказали выше. Далѣе, завязка комедіи Гоголя совершено оригинальна, какъ по своему характеру, такъ и по отношенію ея къ положенію всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Въ предшествовавшихъ Гоголю комедіяхъ важную роль играетъ любовная завязка, при чемъ она нерѣдко совершенно не связывается съ развитіемъ главной фабулы пьесы, какъ напр. мы видимъ это въ «Недорослѣ». Исключая обычную любовную интригу въ своей комедіи, Гоголь руководствовался тѣми соображеніями, которыя указывала ему дѣйствительность. «Уже пора перестать (говоритъ онъ словами любителя искусствъ въ »Театральномъ разъѣздѣ«) опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ оглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣе завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку! Не болѣе ли теперь имѣетъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь»! Гоголь не отрицаетъ того, что любовь можетъ входить въ комедію, но любовь и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Что касается отношенія завязки къ дѣйствію, то и въ этомъ случаѣ комедія Гоголя является вполнѣ оригинальною.

Завязка «Ревизора» отличается общимъ характеромъ: она обнимаетъ всѣ лица, а не одно или два, касается такого вопроса, который волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Вслѣдствіе общаго характера завязки въ комедіи Гоголя, въ ней каждое отдѣльное явленіе необходимо, какъ для развитія дѣйствія, такъ и для выясненія основной мысли всей пьесы. Такимъ образомъ, комедія Гоголя представляетъ собою не только художественную картину общественной жизни, но и въ полномъ смыслѣ драматическое произведеніе, исполненное непрерываемаго движенія, живого и быстраго. Гиперболическій юморъ Гоголя въ «Ревизорѣ» нигдѣ не сводится къ водевильному остроумію, которое проглядываетъ иногда у Грибоѣдова въ характерахъ (напр Лиза), въ отдѣльныхъ сценахъ, какова, напримѣръ, сцена Фамусова съ Чацкимъ, передъ докладомъ о пріѣздѣ Скалозуба, «юморъ которой (слова А. И. Незеленева) основанъ не на одномъ ужасѣ Фамусова передъ новыми идеями, а и на томъ, что онъ, заткнувъ уши, не-вопадъ возражаетъ Чацкому.» Въ «Ревизорѣ» каждое дѣйствующее лицо вполнѣ опредѣленно, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ничего неяснаго и противорѣчащаго; тогда какъ этотъ недостатокъ встрѣчается у Грибоѣдова, напр. въ фигурѣ Чацкаго, который, въ сценѣ обморока Софьи, изъ благородной личности обращается въ какого-то водевильнаго героя. Комедія Гоголя совершенно оригинальна въ изображеніи не только характеровъ, но и подробностей всего содержанія. Въ «Недорослѣ» Фонвизина мѣстами замѣтно вліяніе французской комедіи; Грибоѣдовъ, если не подражалъ, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ образцомъ Альцеста, главнаго героя комедіи Мольера «Мизантропъ», съ которымъ во многомъ сходенъ Чацкій; кромѣ того, въ «Горѣ отъ ума» встрѣчаются мѣста, близкія по содержанію съ комедіей Мольера; такъ, напримѣръ, восклицанія Чацкаго и Альцеста при уходѣ ихъ со сцены совершенно одинаковы (chercher sur la terre un endroit écarte, ou être homme d'honneur on ait la liberté— искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ). Ничего подобнаго мы не видимъ въ комедіи Гоголя, которая создалась вполнѣ самобытно, безъ всякаго вліянія иностранныхъ образцовъ. Намъ остается сказать еще о характерѣ гоголевскаго комизма. Впечатлѣніе смѣха возбуждается въ зрителѣ или смѣшными фразами дѣйствующихъ лицъ или ихъ комиче-

скими положеніями. Комизмъ фразы или словъ въ предшествовавшей Гоголю комедіи, можно сказать, преобладаетъ надъ комизмомъ положенія. Между тѣмъ въ «Ревизорѣ» вся сила комизма заключена въ томъ взаимномъ противорѣчіи, въ какое впадаютъ лица, находящіяся въ страстномъ возбужденіи; превосходный образецъ такого комизма мы видимъ, напримѣръ, въ сценѣ первой встрѣчи городничаго съ Хлестаковымъ, неподражаемо рисующей взаимный обманъ комическаго свойства; и вся комедія движется на цѣломъ рядѣ подобныхъ сценъ. Таковы отличительныя особенности «Ревизора» какъ драматическаго произведенія.

Значеніе комедіи Гоголя въ русской литературѣ. Въ своей комедіи Гоголь затронулъ одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ своего времени, именно вопросъ объ отношеніи тогдашнихъ должностныхъ лицъ къ своимъ обязанностямъ и къ закону, и въ этомъ заключается общественное значеніе комедіи «Ревизоръ». Сила смѣха, съ какою писатель начерталъ картину вопіющихъ неправдъ жизни, поразительная вѣрность въ воспроизведеніи характеровъ и типовъ возбудили въ обществѣ озлобленные толки о комедіи и ея авторѣ. Гоголя упрекали въ томъ, что онъ своею комедіею будто бы оскорбляетъ должность чиновниковъ, между тѣмъ какъ сатира пьесы направлена противъ такихъ чиновниковъ, которые худо исполняли свои должности. Многимъ тогда казалось, что общественныя раны надо скрывать, а не показывать; но Гоголь самъ опровергаетъ такое мнѣніе словами г. Б. въ «Театральномъ разъѣздѣ». «По вашему (говоритъ г. Б. другому лицу) нужно бы только закрыть, залѣчить какънибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны: лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь — до того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого. Пусть глухъ останется человѣкъ, пусть сонно переходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленія свою душу, чтобъ ужъ ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ, простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь

къ человѣчеству». Всѣ бранятъ меня, пишетъ Гоголь актеру Щепкину, «чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что у меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу... Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій признакъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью» (Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 182). Обвиняли Гоголя даже въ томъ, что, раскрывая въ комедіи общественныя язвы, онъ будто бы подрываетъ въ народѣ вѣру въ правительство. Но Гоголь устами одного изъ лицъ «Театральнаго разъѣзда» доказываетъ несправедливость подобнаго обвиненія. «Для народа, говоритъ онъ, нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ передъ ними имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть, повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія, съ твердою вѣрою въ недремлющій высшій законъ».

Враждебные толки о пьесѣ, столкновенія съ людьми, которые не поняли идеи писателя, сознаніе жалкаго положенія писателя и всеобщаго невѣжества, двигавшаго столицею — все это было причиною глубокой тоски, которую долженъ былъ почувствовать великій художникъ, разочаровавшійся въ своихъ надеждахъ. Мало того, подъ вліяніемъ враждебныхъ толковъ Гоголь подъ конецъ своей поэтической дѣятельности отказался даже отъ истиннаго смысла комедіи: въ своей пьесѣ «Развязка Ревизора», написанной въ 1846 году, онъ объясняетъ, что лица, выведенныя въ «Ревизорѣ» — не дѣйствительныя, что они есть ни что

иное, какъ олицетвореніе душевныхъ качествъ, что ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Такой взглядъ, конечно, ошибочный, и комедія «Ревизоръ» навсегда останется замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ, правдиво и въ высшей степени талантливо воспроизводящимъ одно изъ печальныхъ явленій общественной жизни Россіи тридцатыхъ годовъ.

Отзывы критики о комедіи «Ревизоръ». Въ заключеніе приводимъ мнѣнія русской критики о комедіи «Ревизоръ». Послѣ перваго представленія комедіи Гоголя о ней появлялись рецензіи въ тогдашнихъ литературныхъ журналахъ и газетахъ. Въ газетѣ «Сѣверная Пчела», которая вообще крайне неблагосклонно отзывалась о Гоголѣ, комедія «Ревизоръ» названа произведеніемъ жалкимъ. Авторомъ разбора былъ самъ издатель газеты Ѳадей Булгаринъ. Хотя мнѣнія его совершенно ложны и были отвергнуты здравою критикою, тѣмъ не менѣе они любопытны какъ историко-литературный фактъ. Булгаринъ находилъ, что канва «Ревизора» пустѣйшая, что это произведеніе даже и не комедія, потому будто-бы, что на административныхъ злоупотребленіяхъ нельзя построить комедіи, что лица комедіи рядъ смѣшныхъ карикатуръ; въ концѣ концовъ слѣпой критикъ, не видя въ комедіи никакой идеи, предсказывалъ, что она недолговѣчна. Въ этомъ случаѣ критикъ совершенно сходится въ мнѣніи съ литераторомъ, который изображенъ въ «Театральномъ разъѣздѣ» и который называя комедію Гоголя фарсомъ, ставитъ ее ниже пустѣйшихъ пьесъ Коцебу.

Иначе отнеслись къ комедіи другіе журналы. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» комедія Гоголя была названа явленіемъ чрезвычайно важнымъ въ русской словесности. «Гоголь», говорится въ газетѣ «Литературныя Прибавленія», показалъ истинно комическій талантъ. Его комедія сущая комедія. Русскіе такъ не смѣялись со временъ Фонвизина. Лучшія мѣста въ комедіи— все первое дѣйствіе, гдѣ такъ живо, такъ естественно представлена тревога чиновниковъ уѣзднаго города, которые, услышавъ про ревизора, поднялись и не знаютъ что дѣлать, какъ галки предъ ненастьемъ; монологъ стариннаго слуги Осипа, который такъ мастерски рисуетъ Сѣверную Пальмиру съ лакейской точки зрѣнія, образцовое хвастовство Хлестакова, представленіе

ему чиновниковъ; шумный съѣздъ церемоннаго городишка для поздравленія семейства Антона Антоновича, и чтеніе письма въ послѣднемъ актѣ. Но верхъ комическаго искусства, — это сцена, въ которой запыхавшіеся Петры Ивановичи разсказываютъ о пріѣздѣ ревизора: сцена уморительная до нельзя». Критикъ находитъ только, что роль Хлестакова не совсѣмъ выдержана. «Его принимаютъ за ревизора, а онъ думаетъ, что его хотятъ взять въ тюрьму; ему денегъ даютъ взаймы, съ намѣреніемъ тонкимъ и политичнымъ, а онъ удивляется глупости чиновниковъ. Между тѣмъ какъ, поддерживая обманъ провинціаловъ, онъ увеличивалъ бы вѣроятность происшествія. Еще слабѣе выраженъ въ немъ столичный житель. Степняки не отливаютъ такихъ пуль, какими онъ нѣжничалъ передъ Анною Андреевною и Марьей Антоновною». Подробный разборъ «Ревизора» впервые сдѣланъ былъ В. Г. Бѣлинскимъ (см. т. III его сочиненій стр. 389—515). По мнѣнію Бѣлинскаго, въ «Ревизорѣ» нѣтъ лучшихъ сценъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образуя собою единое цѣлое. Сцену съ чиновниками, которую разбранила «Сѣверная Пчела», онъ называетъ дивною. Бѣлинскій превосходно доказываетъ возможность ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора. Въ цѣлой комедіи онъ видитъ художественный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, чего онъ не находитъ въ комедіи Грибоѣдова. Послѣднимъ изъ критиковъ, писавшихъ о комедіи Гоголя, былъ Аполлонъ Григорьевъ (1822 – 1854 г.). Приводимъ его замѣчательные взгляды на комедію, выраженные имъ въ двухъ статьяхъ о русской литературѣ въ 1851 и 52 году. «Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и наконецъ въ «Ревизорѣ» одинъ только смѣхъ выступилъ честнымъ карающимъ лицомъ, а между тѣмъ, тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?) очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ и тяжкихъ въ массѣ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностью предъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и, такъ сказать, развороченная однимъ прикосновеніемъ пустого проѣзжаго чиновника; этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона; глубокій смыслъ того факта, что тре-

вожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую бренную удочку,—все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ поръ удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которой никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ, или недобросовѣстности, озлобленной на русскую литературу вообще и на одного изъ ея великихъ представителей въ особенности. Разсуждающіе о несообразности этого происшествія вовсе не понимаютъ ни поэтической гиперболы, ни смысла комедіи Гоголя, не понимаютъ, что чѣмъ пустѣе, такъ сказать глаже, безцвѣтнѣе Хлестаковъ, тѣмъ очевиднѣе комическая Немезида *) надъ беззаконіями города... Комизмъ гоголевскій есть явленіе совершенно единственное въ самой манерѣ и въ самыхъ пріемахъ комика. Основы Ревизора, скачка Подколесина въ окно и другихъ чертъ вы не найдете ни у кого. Основа Ревизора, скачекъ Подколесина — вѣрны до той психологической вѣрности, которая становится уже дерзостью. Такая особенность и смѣлость пріемовъ обусловлена самою сущностью комическаго міросозерцанія Гоголя, состоящею въ постоянномъ раздвоеніи сознанія, въ постоянной готовности комика себя самого судить и повѣрять во имя чего-то иного, постоянно для самого себя объектироваться. Дѣйствительность повѣрялась въ душѣ комика идеаломъ, и какимъ идеаломъ! Немудрено, что послѣ такой повѣрки она выходила въ міръ отмѣченною клеймомъ гнѣвной любви, принимая тѣ колоссально экономическіе размѣры, которые придавала ей горячая и раздраженная фантазія. Поэтому то Гоголевскія произведенія вѣрны не дѣйствительности, а общему смыслу дѣйствительности въ противорѣчіи съ идеаломъ; въ обыкновенной жизни нѣтъ Хлестакова, даже какъ типа, въ обыкновенной жизни и Земляника даже не скажетъ на вопросъ Хлестакова: «Вы, кажется, вчера были меньше ростомъ? *Очень можетъ быть-съ;*» въ обыкновенной жизни ни одинъ, самый слабохарактерный изъ Подколесиныхъ, не убѣжитъ отъ невѣсты въ окно. Все это не просто дѣйствительность, но дѣйствительность, возведенная въ перлъ, ибо она прошла чрезъ горнило сознанія; и

*) Немезида въ миѳологіи грековъ дочь Ночи, богиня карающей справедливости; аттрибутами ея были: крылатое колесо, узда и масштабъ.

въ этомъ свойствѣ одинъ только Шекспиръ однороденъ съ Гоголемъ, и въ этомъ смыслѣ Шекспиръ столько же мало натураленъ, какъ Гоголь. Какой Макбетъ въ *дѣйствительности*, зарѣзавши Дункана, будетъ выражаться такъ:

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ.
Зарѣзалъ искупителя заботъ,
Цѣлебный бальзамъ для больной души,
Великаго союзника природы,
Хозяина на жизненномъ пиру...

но какъ дѣйствительнѣе можно было выразить весь ужасъ души Макбета, глубокой и могучей души, предъ его дѣломъ? Какъ Шекспиръ, такъ и Гоголь заботились только о поэтической вѣрности, и какъ того, такъ и другого долго еще будутъ близорукіе судьи упрекать въ ненатуральности постройки «Лира», въ нелѣпости завязки «Ревизора», въ гиперболизмѣ чувствъ и выраженій. Но Шекспиръ и Гоголь доказываютъ человѣчеству то, что онъ думаетъ, что можетъ быть зачинается въ его душѣ, и заключаютъ все въ литое, мѣдное выраженіе, котораго удачнѣе и поэтически вѣрнѣе нельзя ничего придумать... И выходитъ какъ то, что ненатуральность ихъ вѣрнѣе всякой частной повседневной натуральности, что въ ихъ душѣ отразилось идеально, общечеловѣчески то, что у другихъ отражается неполно и неясно. Типичность образовъ, типичность чувствованій, типичность выраженій, доведенная до крайней своей степени» (Сочиненія А. Григорьева, стр. 17, 48 и 49).

17-1-65 1915

PG
3332
R43B8
1898

Bursakovskiĭ, Sergei Zakharo-
vich
"Revizor" N.V. Gogolia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY